

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран

Солдатова Г.У.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); Московский институт психоанализа,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com**

Рассказова Е.И.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com**

Цель. Выявление общих и специфических паттернов цифровой социализации российских подростков 12–17 лет по сравнению с данными других европейских стран.

Контекст и актуальность. Развитие современных подростков 12–17 лет во многом происходит в контексте цифровой социализации, и понимание особенностей этого контекста, в том числе в сравнении с другими европейскими странами, важно для выявления возможностей и рисков этой социализации, а также направлений помощи и профилактики.

Дизайн исследования. Исследование носило эксплораторный и сравнительный характер.

Участники. 1380 российских подростков (648 подростков в возрасте 12–14 лет и 732 подростка в возрасте 15–17 лет; из них 644 юноши и 736 девушек) из 15 регионов России, относящихся к 8 федеральным округам, сравнивались с данными 16048 подростков 12–17 лет из 18 европейских стран.

Методы (инструменты). Оценивались пользовательская активность в выходные и будние дни, разнообразие онлайн-деятельности, признаки чрезмерной пользовательской активности, цифровая компетентность, а также опыт столкновения с онлайн-рисками.

Результаты. Средняя пользовательская активность подростков составляет 4–5 часов в будние дни и 6–8 часов в выходные дни. По сравнению с 18 другими европейскими странами, для российских подростков характерен один из самых высоких по Европе уровней пользовательской активности в будние дни; содержание их деятельности крайне разнообразно, а признаки чрезмерной пользовательской активности встречаются редко. Однако по уровню цифровой компетентности подростков Россия входит в «тройку» стран с наиболее низкими показателями. Российские подростки чаще подростков большинства других европейских стран сообщают о столкновении с негативным опытом онлайн (49,6% при средневропейской частоте 32,4%), а также с информацией о способах причинения себе физического вреда и контентом, пропагандирующим чрезмерное похудение. Как и в других европейских странах, около 50% российских подростков сталкиваются с сексуальными изображениями онлайн и лично встречаются с онлайн-знакомыми.

Основные выводы. Значительная часть социализации современных подростков проходит онлайн и зависит от их деятельности, возможностей и рисков в интернете. Актуальными для

российских подростков задачами являются развитие цифровой компетентности, а также профилактика наиболее частых онлайн-рисков и обучение совладанию с ними.

Ключевые слова: цифровая социализация; российские подростки; деятельность онлайн; онлайн-риски.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 18-18-00365, <https://rscf.ru/project/21-18-28035/>.

Благодарности. Благодарим за помощь в организации сбора данных наших коллег: Баянову Ларису Фаритовну, Гуриеву Светлану Дзахотовну, Далгатова Магомеда Магомедминовича, Дзупева Хасана Владимировича, Дуканову Гульнару Маратовну, Ершову Александру Николаевну, Иванова Михаила Сергеевича, Капустину Валерию Анатольевну, Кореневу Владиславу Николаевну, Кулеш Елену Васильевну, Лаптеву Надежду Витальевну, Максимову Людмилу Александровну, Неяскину Юлию Юрьевну, Селезневу Юлию Викторовну, Тихомирова Михаила Юрьевича, Черемных Ольгу. Выражаем свою глубокую благодарность руководителям международного проекта за возможность использовать данные сравнения [22; 26].

Для цитаты: Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 3. С. 11–30. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302>

Digital Socialization of Russian Adolescents: through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries

Galina U. Soldatova

Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Elena I. Rasskazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Objective. Identification of common and specific patterns of digital socialization of Russian adolescents aged 12–17, compared with data from other European countries.

Background. The development of adolescents aged 12–17 is largely taking place in the context of digital socialization. Understanding of this context, especially in comparison with other European countries, is important to identify the opportunities and risks of this socialization, as well as targets for assistance.

Study design. The study was exploratory and comparative.

Participants. 1380 Russian adolescents (648 aged 12–14 and 732 aged 15–17; including 644 boys and 736 girls) from 15 regions of Russia belonging to 8 Federal Districts were compared with data from 16048 teenagers aged 12–17 years from 18 European countries.

Measurements. Adolescents filled scales assessing user activity on weekends and weekdays, the variety of online activities, signs of excessive user activity, digital competence, as well as experience of online risks.

Results. The average user activity of adolescents was 4–5 hours on weekdays and 6–8 hours on weekends. Compared to 18 other European countries, Russian adolescents had one of the highest levels of user activity on weekdays in Europe and wide range of the content of activities online, while signs of excessive user activity were rare. However, Russia was among the three countries with the lowest rates of digital competence of adolescents. Comparing to other countries, Russian adolescents were more likely to report negative experiences online (49,6% versus an average European frequency of 32,4%), as well

as experience of information about ways of causing physical harm to themselves and content that promotes excessive weight loss. As in other European countries, about 50% of Russian adolescents have seen sexual images online and met online acquaintances in person during the past year.

Conclusions. A significant part of the socialization of modern adolescents takes place online and depends on their activities, opportunities and risks on the Internet. Relevant tasks for Russian adolescents are the development of digital competence, as well as the prevention of the most frequent online risks and learning to cope with them.

Keywords: digital socialization; Russian adolescents; online activities; online risks.

Funding. The study was funded by Russian science Foundation, grant № 18-18-00365, <https://rscf.ru/project/21-18-28035/>.

Acknowledgements. We thank our colleagues for their help in organizing the data collection: Bayanova Larisa Faritovna, Guriev Svetlana Dzakhotovna, Dalgatov Magomed Magomedeminovich, Dzutsev Hassan Vladimirovich, Dukanova Gulnara Maratovna, Ershova Alexandra Nikolaevna, Ivanov Mikhail Sergeevich, Kapustina Valery Anatolyevna, Koreneva Vladislav Nikolaevna, Kulesh Elena Vasilyevna, Lapteva Nadezhda Vitalievna, Maximov Lyudmila Alexandrovna, Neyaskin Julia Yurievna, Selezneva Yulia Viktorovna, Tikhomirov Mikhail Yurievich, Cheremnykh Olga. We express our deep gratitude to the leaders of the international project for the opportunity to use the comparison data [22; 26].

For citation: Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Digital Socialization of Russian Adolescents: through the Prism of Comparison with Adolescents in 18 European Countries. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 3, pp. 11–30. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140302> (In Russ.).

Введение

Личностное развитие и социализация детей и подростков сегодня происходят в условиях особой ситуации, когда инфокоммуникационные технологии являются не только постоянным, но и (учитывая все более ранний возраст знакомства детей с электронными гаджетами) одним из самых ранних спутников ребенка [24; 25; 26]. Все чаще говорят о «цифровом детстве» [8; 10; 13], имея в виду необходимость анализа инфокоммуникационного контекста развития наряду с культурно-историческим, социальным и психологическим контекстами [2; 18; 22]. Соответственно, цифровая, или информационная, социализация детей и подростков становится составляющей процесса социализации в целом [1; 4; 6].

Данная работа опирается на социально-когнитивную модель цифровой социализации [9], в соответствии с которой развитие ребенка и подростка сегодня

может рассматриваться как формирование гиперподключенной, технологически достроенной цифровой личности как части личности реальной, действующей в смешанной реальности, когда онлайн-мир включен в офлайн-деятельность и «переплетается» с ней, и в условиях цифровой социальности. В статье рассматриваются особенности цифровой социализации российских подростков в сопоставлении с подростками других европейских стран — на примере того, как устроена их пользовательская активность (длительность и содержание), какие возможности формируются у них в цифровом пространстве (цифровая компетентность) и с какими трудностями и рисками они сталкиваются (контентные и коммуникативные онлайн-риски). Следует отметить, что перечисленные аспекты охватывают лишь небольшую часть процесса цифровой социализации, тогда как полноценное изучение этого понятия в таком сравнитель-

ном ключе остается задачей дальнейших исследований.

Пользовательская активность и цифровая деятельность. Исследования онлайн-активности детей и подростков как в России [10], так и в других странах [13; 24; 25; 26] свидетельствуют в пользу представлений о цифровой социализации и гиперподключенности. Согласно их результатам, дети и подростки проводят в интернете нередко больше времени в течение дня, чем без него. Тем не менее следует признать, что интенсивность использования интернета — лишь формальный показатель. Исследования цифровой социализации требуют учета содержания и разнообразия онлайн-деятельности детей и подростков, которая меняется в разных возрастах и ситуациях [2; 7; 12; 19; 22], сопоставления ее содержания с чрезмерным использованием интернета, что может как способствовать обогащению различных сфер жизни ребенка, так и затруднять его развитие и адаптацию [3; 16].

Формирование цифровой компетентности как аспект цифровой социализации. Деятельность в условиях гиперподключенности одновременно открывает новые возможности и ставит новые задачи перед детьми и подростками. Для их решения, как составляющая социальной компетентности, необходима цифровая компетентность [14; 15; 17], формирующаяся в процессе цифровой социализации. В предложенной нами модели разделяются информационная (медиакомпетентность), коммуникативная, техническая и потребительская компетентность — знания, умения, мотивация и ответственность, которые проявляет человек в ходе деятельности в соответствующих сферах в интернете [10].

Цифровая социализация при столкновении с онлайн-рисками. Проблема

онлайн-рисков традиционно относится к числу наиболее обсуждаемых, когда речь идет о детях и подростках [23], что объясняется как практической необходимостью [5], так и постоянной трансформацией этих рисков [20]. Однако в исследованиях цифровой социализации проблема онлайн-рисков приобретает иной смысл: дети и подростки более или менее успешно учатся преодолевать трудности, ограничения и решать задачи онлайн, что является составляющей их развития. В наших исследованиях предлагается разделять [10] контентные риски (возникающие при использовании находящихся в интернете материалов), коммуникационные риски (возникающие в процессе межличностного взаимодействия онлайн), технические (связанные с угрозой программному обеспечению и информации) и потребительские риски (касающиеся злоупотребления правами потребителя в интернете), а также развитие чрезмерной пользовательской активности. В данной работе рассматриваются типичные контентные и коммуникационные риски, с которыми сталкиваются подростки разных стран, тогда как технические и потребительские риски не оценивались.

Целью данного исследования было выявление общих и специфических паттернов цифровой социализации российских подростков 12–17 лет по сравнению с данными других европейских стран по показателям пользовательской активности, видам онлайн-деятельности, цифровой компетентности и опыту столкновения с онлайн-рисками. В частности, проводился сравнительный анализ данных популяционного российского исследования с данными 18 европейских стран.

Поскольку исследование носило экспериментальный и сравнительный характер, конкретных гипотез не выдвигалось.

Метод

Выборка исследования. Выборка российских подростков включала в себя 1380 подростков 12–17 лет из 15 регионов России, относящихся к 8 федеральным округам (Владикавказ, Волгоград, Казань, Петропавловск-Камчатский, Кемерово, Киров, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тюмень, Хабаровск, Москва и Московская область, Вологда, Махачкала, Екатеринбург). Выборка собиралась специалистами гуманитарных вузов в этих городах под контролем руководителей исследования. 648 подростков были в возрасте 12–14 лет (47,0%), 732 подростка – в возрас-

те 15–17 лет (53,0%). Всего в исследовании приняли участие 644 юноши (46,6%; из них 21,1% в возрасте 12–14 лет и 25,5% в возрасте 15–17 лет) и 736 девушек (53,3%; из них 25,9% в возрасте 12–14 лет и 27,5% в возрасте 15–17 лет).

Представленная в работе часть исследования основана на тех же методиках, что и данные других 18 европейских стран (табл. 1, [22; 26]), а также на общей методологии сбора данных [23], что дало нам возможность сравнивать результаты анализа.

Методы исследования

1. *Пользовательская активность* подростков оценивалась при помощи двух

Таблица 1

Социодемографические характеристики российских подростков и подростков из других европейских стран (количество респондентов)

Страна	Юноши 12–14 лет	Девушки 12–14 лет	Юноши 15–17 лет	Девушки 15–17 лет	Всего
Россия	291	357	353	379	1380
Бельгия	205	198	343	411	1157
Хорватия	205	172	173	160	710
Чехия	531	529	476	507	2043
Эстония	165	161	163	149	638
Финляндия	178	167	193	238	776
Франция	189	160	174	116	639
Германия	168	168	192	182	710
Италия	168	135	155	161	619
Литва	170	151	179	157	657
Мальта	210	363	106	108	787
Норвегия	181	179	161	137	658
Польша	206	264	133	166	769
Португалия	414	408	279	300	1401
Румыния	173	129	163	197	662
Сербия	168	188	193	233	782
Словакия	134	156	162	162	614
Испания	746	644	236	227	1853
Швейцария	225	218	60	70	573
Всего	4727	4747	3894	4060	17428

вопросов. Во-первых, о длительности времени онлайн в будние и выходные дни (показатель «экранного времени» — время, проведенное с цифровыми устройствами, подключенными к интернету). Варианты ответов варьировались от 1 балла (мало или совсем не провожу) до 8 баллов (7 часов или более). Альфа Кронбаха «экранного времени» в выходные и будние дни составляла для разных стран 0,76–0,87 (у российских подростков — 0,81). Во-вторых, подросткам задавались вопросы о том, как часто они проводят время за различными онлайн-активностями. Список включал 15 деятельностей (например, «Я искал информацию в интернете о работе и учебе», «Я искал новости онлайн» и др.). Рассчитывалось количество онлайн-деятельностей, относительно которых подросток отвечал, что делает это ежедневно или несколько раз в день.

2. Признаки *чрезмерного использования интернета* оценивались по пяти пунктам (например, «Из-за интернета я не ел или не спал», «Я пренебрегал семьей, друзьями или учебой из-за того, что проводил слишком много времени в интернете») с использованием шкалы Лайкерта от 1 до 5 баллов. Альфа Кронбаха по пяти признакам чрезмерного использования интернета варьировала от 0,70 до 0,88 (у российских подростков — 0,70).

3. Для оценки *цифровой компетентности* использовались 11 пунктов, описывающих разные умения онлайн (например, «Я знаю, как сохранить фотографию, которую я нахожу в интернете», «Я знаю, как совершить покупку через приложение», «Я знаю, как создать и выложить онлайн видео или музыку, которые я создал сам»). Подростки оценивали свое согласие по шкале Лайкерта от 1 до 5 баллов. Затем рассчитывался средний балл. Альфа Кронбаха составляла в разных странах от 0,82 до 0,93 (в России — 0,90).

4. *Опыт столкновения с онлайн-рисками* исследовался на основе оценки негативного опыта онлайн, опыта личных встреч с онлайн-знакомыми, частоты столкновения с шестью вариантами негативного контента («Способы нанесения физического вреда», «Способы совершения самоубийства», «Способы похудения», «Сообщения, полные ненависти к определенным группам или отдельным лицам», «Чей-то опыт употребления наркотических средств», «Изображения жестокости»), опыта столкновения с агрессией онлайн и офлайн.

Результаты

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 23.0. В связи с большими размерами сравниваемых выборок в качестве критического уровня значимости было выбрано значение $p < 0,01$ как более строгое в сравнении с часто используемым в психологических исследованиях $p < 0,05$. Однако для полноты представления данных далее в работе в таблицах и рисунках сохранены привычные представления: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$.

Особенности онлайн-деятельности российских и европейских подростков: интенсивность использования интернета, разнообразие деятельности, чрезмерное пользование интернетом

Общее сравнение уровня пользовательской активности по показателю экранного времени (как в будние дни, так и в выходные дни, а также на основе средних оценок пользовательской активности) у подростков разных стран указывает на небольшие, но значимые различия (рис. 1, $F = 38,63 - 40,19$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,04 - 0,05$).

При этом *время, проведенное с цифровыми устройствами, подключенными*

к интернету, у российских подростков в будние дни оказывается одним из самых высоких в Европе — «обгоняют» Россию только норвежские и финские подростки, хотя и эти различия не достигают принятого уровня значимости. Результаты попарного *post hoc* сравнения по критерию Шеффе показывают, что в будние дни российские подростки проводят онлайн больше времени, чем подростки 11 стран из 18, а именно: Хорватии, Чехии, Франции, Германии, Литвы, Польши, Португалии, Румынии, Словакии, Испании и Швейцарии ($p < 0,01$).

Однако в выходные дни время, проведенное российскими подростками онлайн, лишь немногим превышает средний европейский уровень. В 7 странах из 18 в выходные дни подростки проводят в интернете больше времени, чем российские подростки (хотя эти различия также не достигают принятого уровня значимости). Лишь о трех странах Европы — Хорватии, Германии и Словакии — можно однозначно говорить, что в выходные

дни время, проведенное подростками в интернете, в них ниже, чем в России.

Если говорить о времени, проводимом в интернете, в целом, результаты попарного *post hoc* сравнения по критерию Шеффе показывают, что экранное время российских подростков соответствует экранному времени подростков 9 стран из 18 (Бельгии, Эстонии, Финляндии, Мальты, Норвегии, Португалии, Румынии, Сербии и Испании); но значимо превышает время, проводимое в интернете подростками из Хорватии, Франции, Италии, Германии, Польши, Словакии и Швейцарии ($p < 0,001$). Что касается подростков других стран Европы, то российские подростки по сравнению с ними проводят онлайн больше времени, но это различие не достигло принятого в данном исследовании уровня значимости $p < 0,01$, хотя достигло уровня значимости $p < 0,05$.

Среднее количество онлайн-активностей у российских подростков превышает показатели других стран (рис. 2). Иными словами, деятельность россий-

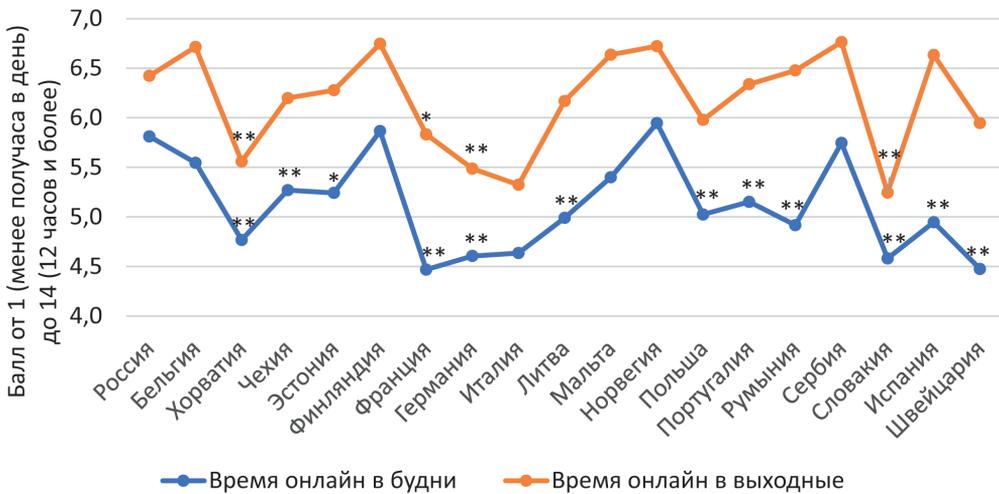

Рис. 1. Пользовательская активность подростков разных стран Европы в будние и выходные дни: результаты попарного *post hoc* сравнения по критерию Шеффе других стран с Россией; * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

ских подростков онлайн отличается высоким разнообразием. Практически на том же уровне, что и в России, находятся показатели Румынии и Литвы, тогда как в сравнении с остальными странами деятельность российских подростков оказывается более разнообразной (по критерию Шеффе, $p < 0,001$). Наименьшее разнообразие характерно для онлайн-деятельности подростков в Германии (по данным сравнения 18 стран: $F = 75,87$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,09$). Особенно это касается поиска возможностей для учебы или работы, просмотра новостной информации, создания и выкладывания собственного онлайн-контента, использования социальных сетей, общения с семьей и друзьями, поиска информации о здоровье для себя или близких.

Отметим, что столь высокая пользовательская активность российских подростков достигается именно за счет времени онлайн, а не за счет признаков чрезмерного использования интернета, показатели по которому в России ниже среднеевропейских (рис. 3, общие различия между странами $F = 35,10$,

$p < 0,01$, $\eta^2 = 0,04$) и «опережают» только Италию, Литву и Словакию. Следует отметить, что в случае Италии и Словакии низкий уровень чрезмерного пользования интернетом сочетается с низким уровнем пользовательской активности в целом, чего не наблюдается у российских подростков. По результатам попарного *post hoc* сравнения по критерию Шеффе, показатели России по признакам чрезмерного пользования интернетом подростками значимо ниже, чем в 10 из 18 стран ($p < 0,01$).

Цифровая компетентность российских подростков в сравнении с подростками других европейских стран

Несмотря на высокий уровень пользовательской активности и разнообразие онлайн-деятельности, по уровню навыков цифровой компетентности российские подростки оказываются среди наименее компетентных, «опережая» только подростков Испании и Франции (рис. 4, общие различия между странами $F = 31,74$, $p < 0,01$, $\eta^2 = 0,04$).

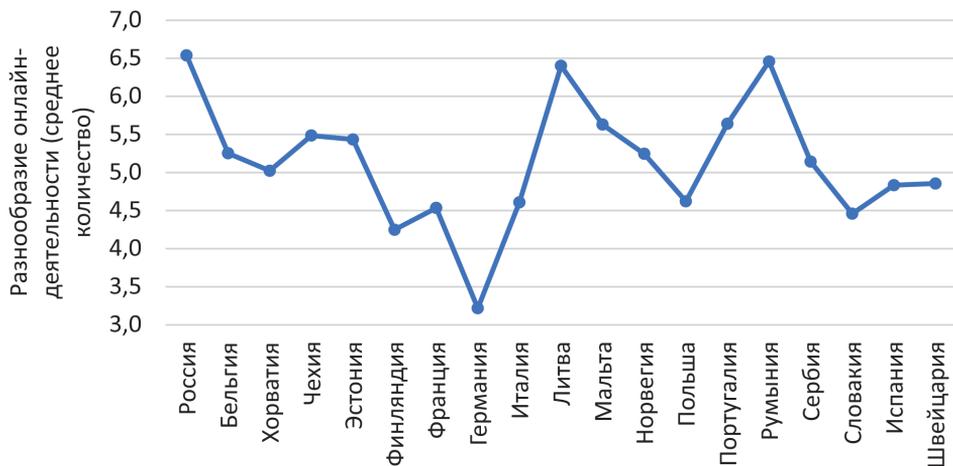

Рис. 2. Разнообразие деятельности подростков разных стран Европы

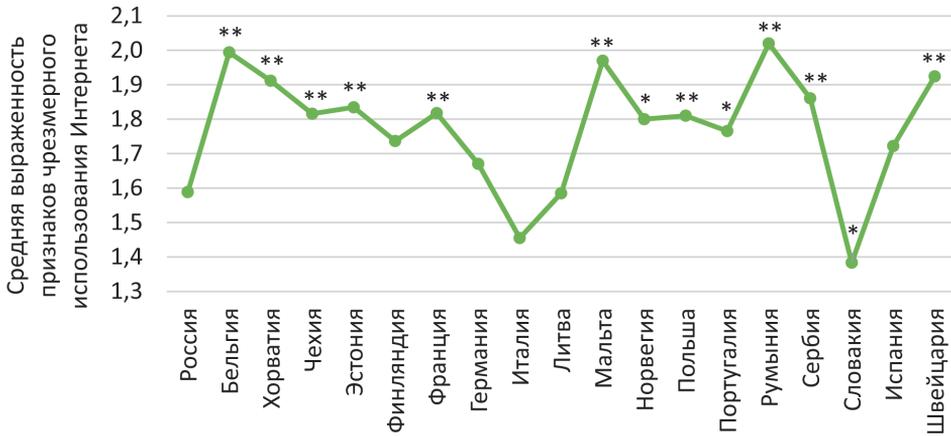

Рис. 3. Признаки чрезмерного использования интернета у подростков разных стран Европы: результаты попарного post hoc равнения по критерию Шеффе других стран с Россией; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

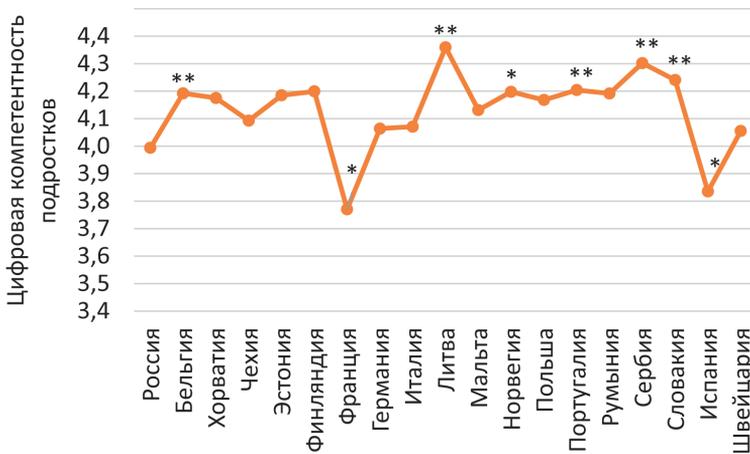

Рис. 4. Цифровая компетентность у подростков разных стран Европы: результаты попарного post hoc равнения по критерию Шеффе других стран с Россией; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

Опыт столкновения с онлайн-рисками

Многие российские подростки сталкиваются с негативным опытом онлайн — об этом сообщил почти каждый второй подросток (табл. 2, при средневропейской частоте 32,4%, $\chi^2 = 1138,83$, $p < 0,01$, V Крамера = 0,28), и превышают эти

показатели только показатели Бельгии и Мальты. Следует отметить, что частота столкновения подростков разных стран с негативным опытом онлайн сильно различается в разных странах. Так, если о таком опыте за последний год в Сербии сообщает лишь один подросток из десяти, то в России, Бельгии и на Маль-

те — каждый второй подросток. С нашей точки зрения, важно понимать, что этот результат может объясняться как действительной частотой разных ситуаций, так и реакцией подростков на различные события в интернете. Так, в Словакии, Италии и Германии, где большинство подростков отрицали негативный опыт онлайн, каждый третий (в Германии — каждый второй) сообщил, что сталкивался с сексуальным контентом, и почти каждый второй встречался с онлайн-знакомыми. Закономерно предполагать, что эти события не расстроили их.

Во всех странах подростки нередко лично встречаются с людьми, с которыми познакомились онлайн. Фактически

каждый второй подросток (а в Испании, Румынии и Сербии двое из трех) встречается с онлайн-знакомыми. Несколько более благополучно обстоит ситуация во Франции (каждый четвертый), Хорватии и Эстонии (каждый третий), однако очевидно, что речь идет о крайне распространенном поведении. В России 51,4% опрошенных подростков сообщили, что лично встречались с людьми после онлайн-знакомства, и этот показатель полностью соответствует среднеевропейскому уровню ($\chi^2 = 269,30, p < 0,01, V$ Крамера = 0,18).

В целом европейские подростки довольно часто сталкиваются с сексуальным контентом — в зависимости от стран об этом сообщает как минимум каждый

Таблица 2

Негативный опыт онлайн, встречи с онлайн-знакомыми и получение сексуального контента у подростков за год

Страны	Негативный опыт онлайн в целом (за последний год)	Встречи с онлайн-знакомыми	Сексуальный контент
Словакия	9,8%	56,9%	39,1%
Италия	10,2%	42,1%	35,5%
Германия	11,9%	—	54,8%
Хорватия	16,6%	36,7%	39,4%
Франция	20,6%	22,2%	28,9%
Португалия	22,2%	45,6%	44,2%
Финляндия	24,4%	45,4%	50,4%
Литва	27,4%	44,6%	33,5%
Эстония	27,8%	37,2%	36,7%
Норвегия	28,3%	42,6%	59,5%
Польша	31,1%	53,4%	45,2%
Испания	32,6%	61,2%	51,8%
Румыния	36,4%	62,9%	53,0%
Сербия	40,2%	68,6%	74,6%
Чехия	42,7%	50,2%	63,6%
Швейцария	44,0%	41,4%	59,5%
Россия	49,6%	51,4%	52,7%
Бельгия	51,1%	53,1%	69,6%
Мальта	51,3%	51,6%	45,9%
В целом	32,4%	50,0%	51,1%

третий, как максимум — двое из трех подростков ($\chi^2 = 828,03, p < 0,01, V$ Крамера = 0,24). У российских подростков этот опыт также частый — каждый второй подросток сталкивался с неприличными изображениями за прошлый год.

При этом российские подростки реже, чем подростки других европейских стран ($F = 10,94, p < 0,01, \eta^2 = 0,05$, рис. 5), говорят о столкновении с агрессией и буллингом офлайн («лицом к лицу»), тогда как с онлайн-агрессией и кибербуллингом они сталкиваются так же часто, как и в среднем европейские подростки ($F = 9,10, p < 0,01, \eta^2 = 0,04$). Парное *post hoc* сравнение показывает, что единственное значимое отличие России от других стран по уровню онлайн-агрессии касается Мальты (по критерию Шеффе, $p < 0,01$), где онлайн-агрессия и кибербуллинг встречаются чаще, чем во всех странах.

Анализ частоты столкновения с негативным онлайн-контентом (рис. 6) показывает, что Россия входит в «первую пятерку» стран, где подростки особенно часто видят онлайн способы причинения

себе физического вреда (наряду с Сербией, Польшей, Финляндией и Чехией, различия между странами в целом $F = 48,26, p < 0,01, \eta^2 = 0,06$), и занимает второе место после Польши по частоте столкновения с контентом, пропагандирующим чрезмерное похудение и способы его достижения (различия между странами в целом $F = 43,91, p < 0,01, \eta^2 = 0,05$). Парные *post hoc* сравнения по критерию Шеффе показывают, что по частоте столкновения онлайн с описанием способов причинения себе физического вреда Россия «опережает» 12 из 18 стран ($p < 0,01$; кроме Чехии, Финляндии, Польши, Португалии, Румынии, Сербии). Контент, пропагандирующий способы чрезмерного похудения, российские подростки видят чаще, чем другие европейские подростки, за исключением трех стран — Чехии, Польши и Сербии.

При этом информацию о способах самоубийства ($F = 26,74, p < 0,01, \eta^2 = 0,03$), ненавистнические сообщения об определенных людях или группах ($F = 43,87, p < 0,01, \eta^2 = 0,05$), а также изображения жестокости и насилия ($F = 29,40, p < 0,01$,

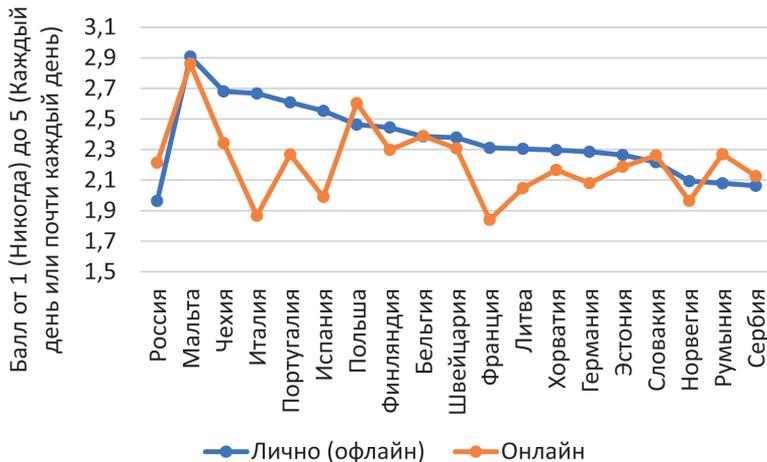

Рис. 5. Столкновение с агрессией за прошлый год онлайн и лично (офлайн) подростков разных европейских стран

$\eta^2 = 0,03$) российские подростки видят лишь немногим чаще, чем в среднем по Европе, а информацию о наркотических веществах и опыте их употребления — реже, чем в среднем по европейским данным. Как показывают попарные *post hoc* сравнения, российские подростки чаще сталкиваются с информацией о способах самоубийства, чем французские, немецкие, итальянские и словацкие подростки, но реже, чем польские подростки ($p < 0,01$). Близкие результаты получаются при попарном сравнении ответов российских подростков с ответами подростков других стран о сообще-

ниях, полных ненависти: Россия «опережает» Францию, Германию, Италию, Словакию, а также Испанию, Швейцарию, Литву и Хорватию, но «отстает» от Польши ($p < 0,01$). Описания опыта употребления наркотических средств «попадают» российским подросткам реже, чем подросткам Чехии, Польши и Сербии ($p < 0,01$).

Обсуждение результатов

Цифровая социализация подростков и пользовательская активность: «экранное время» и онлайн-деятельность подростков. Ежедневное среднее время онлайн

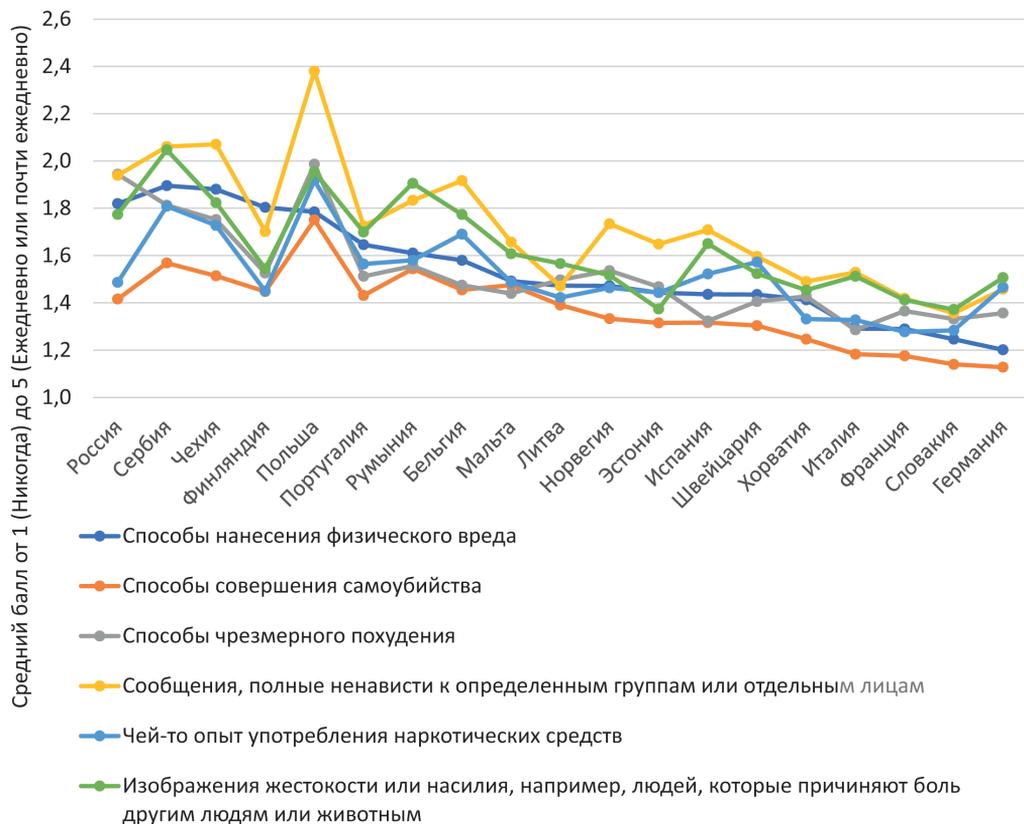

Рис. 6. Частота столкновения с контентными рисками за последний год у подростков разных европейских стран

варьирует для подростков разных европейских стран от 4 до 5 часов в день в будни и от 6 до 8 часов в день в выходные дни. Этот результат полностью согласуется с социально-когнитивной моделью цифровой социализации — современные подростки проводят значительную часть своего бодрствования онлайн, поэтому их личностное развитие происходит уже в смешанной (конвергентной) реальности, где стираются границы между онлайн и офлайн. Российских подростков отличает также то, что они очень активны в интернете в будние дни и куда менее активны по выходным. При этом онлайн-деятельность российских подростков заметно отличается от деятельности подростков других стран широким разнообразием, в основном за счет того, что они чаще своих европейских сверстников (кроме Румынии и Литвы) ищут возможности для учебы или работы, просматривают новости, создают и выкладывают онлайн-контент, используют социальные сети, общаются с семьей и друзьями, ищут информацию о здоровье для себя или близких. При этом признаков чрезмерного использования интернета у российских подростков очень немного — скорее, этот показатель соответствует тем странам, где онлайн-активность подростков низка. Как объяснить такое сочетание высоких показателей экранного времени и разнообразия онлайн-активности, особенно в будние дни, с низким уровнем чрезмерного использования интернета? На наш взгляд, объяснений может быть несколько. Во-первых, разнообразие и интенсивность пользовательской активности может определяться некоторой вынужденностью обращения к онлайн в связи с меньшей доступностью, по сравнению с рядом европейских стран, информации об учебных и внеучебных возможностях для

подростков офлайн и большим «цифровым разрывом» подростков и родителей [10]. Родители современных подростков, несмотря на прогресс в цифровой компетентности, нередко недостаточно осведомлены о возможностях интернета и для себя, и для детей, что объясняет большую вовлеченность подростков в поиски различного рода информации в Сети, например, о проблемах со здоровьем. Во-вторых, высокий уровень онлайн-активности снижает включенность подростков в социальную жизнь в реальном мире. Возможно, это определяет желание так много общаться онлайн, реализоваться за счет выкладывания контента именно в интернет, что выражено у российских подростков по сравнению с их европейскими сверстниками в большей степени. В-третьих, как было показано ранее, родители и школа принимают сегодня значительно менее активное участие в жизни подростков онлайн, чем самим подросткам, родителям и учителям хотелось бы [10]. И, к сожалению, если такое участие и происходит, оно часто оказывается либо исключительно ограничивающей медиацией, либо какой-нибудь формой попустительского отношения. Многие родители не владеют программами родительского контроля или применяют их «по секрету» от детей, что не способствует доверительности детско-родительских отношений. Немало родителей, сталкиваясь с онлайн-трудностями своих детей-подростков, по разным причинам принимают решения ограничить или запретить онлайн-активность. Эта ситуация может объяснять то, что современные российские подростки крайне много времени проводят онлайн в будние дни, когда их деятельность менее «подконтрольна» родителям, а в выходные дни проводят там столько времени, сколько приемлемо в контексте совмест-

ной семейной активности. Наконец, не исключено и то объяснение, что с учетом большой территории России и сложностей в перемещении между регионами и городами социальные сети нередко оказываются для подростков более эффективным каналом общения, чем иные офлайн-варианты.

Отметим, что на фоне разнообразной пользовательской активности уровень цифровой компетентности у российских подростков — невысокий. Согласно данным нашего предыдущего исследования, цифровая компетентность российских подростков составляла от 30% до 50% от максимально возможного уровня индекса цифровой компетентности [10]. В данном исследовании использовался другой инструмент для ее оценки, что не позволяет проводить прямых сравнений [21]. Однако и по этим данным онлайн-навыки российских подростков, безусловно, требуют особого внимания со стороны школы и семьи.

Пространство онлайн-рисков как составляющая контекста цифровой социализации современных подростков. Интернет предстает перед детьми и подростками не только как пространство возможностей для социализации. Безусловно, это и столкновение с онлайн-рисками, опыт эффективного или неэффективного совладания с ними, а также формирование на его основе новых стратегий деятельности и социального онлайн-взаимодействия. Негативный онлайн-опыт за последний год есть у каждого второго российского подростка, что выше показателей большинства европейских стран, кроме Бельгии и Мальты. Следует отметить, что этот результат имеет две возможные причины. С одной стороны, он может свидетельствовать о действительной «зоне риска» получения негативного опыта в интернете. В пользу

этого объяснения свидетельствует то, что в странах, где более 80% отрицали такой опыт, — Германии, Италии, Словакии, Хорватии — минимальны и показатели столкновения с отдельными видами негативного контента (описание способов нанесения себе вреда, изображения жестокости и насилия и пр.). Подчеркнем, что это также страны с низким уровнем пользовательской активности подростков. Другими словами, кто меньше проводит времени онлайн, тот меньше сталкивается с трудностями. Заметим, однако, что данные исследований показывают, что ограничения и запреты на онлайн-деятельность детей и подростков связаны только с общим показателем риска и речь идет о слабой связи [10]. Поэтому задача взрослых — в первую очередь, родителей и учителей — скорее состоит в том, чтобы подготовить ребенка к трудностям и помочь ему справиться с ними (т.е. в активной медиации). Безусловно, важны и социальные, и административные действия, направленные на расширение различных активностей детей в реальном мире (что снизит их экранное время) и на ограничение доступа к негативному контенту для детей и подростков (в том числе работа над распространением программ родительского контроля), но не на ограничение их онлайн-деятельности и ее разнообразия.

С другой стороны, полученные результаты могут свидетельствовать о культурных различиях между подростками разных стран *в реакции* на события в интернете. Например, в Германии, Италии, Словакии и Хорватии многие подростки сталкиваются с сексуальными изображениями онлайн, но лишь немногие сообщили, что их что-то расстроило. Можно предположить, что подростки из перечисленных стран в силу большей информированности, в том числе и в школе,

или большей привычки к контенту такого рода данные события не рассматриваются как основания для расстройства.

С нашей точки зрения, оба объяснения могут сосуществовать, и в обоих случаях указывают и на важность работы с подростками по формированию способов реагирования и стратегий совладания с различными рисками, и на важность распространения программ родительского контроля, а также расширение их возможностей, что в целом помогло бы сузить и сделать более безопасной сложившуюся «зону риска». В отношении рисков, связанных с угрозой жизни и правонарушениями, была бы полезна дополнительная просветительская и административная работа. О том, что она может быть эффективной, свидетельствует, с нашей точки зрения, низкая частота столкновения российских подростков с контентом, связанным с употреблением наркотических веществ. Хотя теоретически возможно, что российские подростки чаще, чем подростки других стран, стараются скрыть этот опыт, более вероятным представляется то, что в России меры, связанные с отслеживанием контента, описывающего употребление ПАВ, достаточно эффективны.

Результаты, полученные в отношении отдельных онлайн-рисков, с которыми сталкиваются российские подростки, можно разделить на общие и специфические паттерны. К общим относятся риски столкновения с киберагрессией, сексуальным контентом, изображениями жестокости, ненавистническими сообщениями, которые в России так же распространены, как и в других странах, и по-прежнему требуют работы и регуляции. Особенно, на наш взгляд, интересны результаты, касающиеся киберагрессии: в России выявлен редкий паттерн, когда частота столкновения с

киберагрессией превышает частоту столкновения с агрессией офлайн. Этот паттерн может объясняться тем, что правила онлайн-общения формируются в процессе социализации позже, чем правила офлайн-общения [10]. В России, где освоение интернета детьми и подростками по-прежнему часто происходит стихийно и самостоятельно (несмотря на выраженный прогресс в этом за последние годы [10]), интернет может становиться пространством вседозволенности, где проявления агрессии оказываются более частыми, чем офлайн.

Отдельного внимания среди общих паттернов требует готовность подростков разных стран лично встречаться с онлайн-знакомыми. Заметим, что этот риск относится к «неявным» для подростков, поскольку в большинстве случаев [23] они получают положительный опыт от такого общения. К сожалению, «оборотная» сторона здесь — неумение подростков проверять такие знакомства и обеспечивать свою безопасность, что может приводить к негативным последствиям в их жизни.

К специфическим рискам относится, например, распространенный среди российских подростков опыт столкновения со способами нанесения себе физического вреда и чрезмерного похудения. Очевидно, что поиск способов похудения значительно более распространен среди девушек, чем среди юношей, однако во всех сравниваемых странах распределение по полу было достаточно равномерным. Причины, по которым именно эти два контентных риска распространены у российских подростков шире, чем у подростков других стран, изучались нами отдельно и требуют дальнейших исследований. С практической же точки зрения эти риски заслуживают социального и психологического внимания как более частые в России.

Заключение

Таким образом, развитие современных европейских подростков 12–17 лет во многом происходит в контексте цифровой социализации, и понимание особенностей этого контекста, в том числе в сравнении с другими европейскими странами, важно для выявления возможностей и рисков этой социализации, а также направлений помощи и профилактики. По сравнению с 18 другими европейскими странами, для российских подростков характерен один из самых высоких по Европе уровень экранного времени в будние дни и уровень немногим выше среднего — в выходные дни. При этом содержание их онлайн-деятельности крайне разнообразно (значимо выше, чем в 16 из 18 стран), а признаки чрезмерного использования интернета встречаются редко (значимо реже, чем в 10 из 18 стран). Однако по уровню цифровой компетентности подростков Россия входит в «тройку» стран с наиболее низкими показателями, что в контексте понимания таких компетенций как одних из главных навыков 21 века настоятельно ставит задачу их формирования и повышения уровня на всей траектории развития ребенка. Другая актуальная задача — особое внимание в контексте цифровой компетентности к вопросу кибербезопасности, что связано с профилактикой онлайн-рисков и обучением совладанию с ними. Для этого есть все основания: российские подростки чаще подростков большинства других европейских стран сообщают

о столкновении с негативным опытом онлайн (49,6% при среднеевропейской частоте 32,4%), а также с информацией о способах причинения себе физического вреда и контентом, пропагандирующим чрезмерное похудение. Как и в других европейских странах, около 50% российских подростков сталкиваются с сексуальными изображениями онлайн и лично встречаются с онлайн-знакомыми. Частота их столкновения с информацией о способах самоубийства и изображениями жестокости и насилия соответствует общеевропейскому уровню, а с информацией об опыте употребления наркотических средств — ниже, чем в большинстве других европейских стран.

Основным *ограничением* данного исследования является то, что вследствие его масштабности оно включило лишь некоторые процессы цифровой социализации, не позволяя дать ее полный анализ. По той же причине многие измеренные характеристики представлены единичными вопросами, что не позволяет оценить надежность-согласованность измерения. Кросс-культурный дизайн исследования не позволял полностью проконтролировать особенности сбора данных, который, хотя и декларировался общим протоколом, мог отличаться в разных странах. Дальнейшие исследования могут быть направлены на уточнение других аспектов цифровой социализации, в первую очередь, на более глубокий анализ деятельности и взаимодействия детей и подростков в смешанной (конвергентной) реальности.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2013. № 6(30). С. 5.
2. *Верaksa А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Чичинина Е.А.* Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 82–92. DOI:10.31857/S013216250009455-3

3. *Войскунский А.Е.* Психология и интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
4. *Карabanова О.А.* Риски информационной социализации как проявление кризиса современного детства // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 3. С. 4–22.
5. *Кнорре-Дмитриева К.* «Ты что, думаешь, я маньяк?» — тренируйте своих детей, пока не поздно. Правила безопасности от «Лизы Алерт», написанные кровью и слезами. [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://www.pravmir.ru/tyi-chto-dumaesh-ya-manyak-treniruyte-svoih-detey-roka-ne-pozdno/> (дата обращения: 07.02.2022).
6. *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90–102.
7. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д.В. Дунаса. М.: Ф-т журналистики МГУ: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 404, [2] с.
8. *Поливанова К.Н.* Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 5–10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201
9. *Солдатова Г.У., Войскунский А.Е.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
10. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
11. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87–97. DOI:10.17759/chp.2020160409
12. *Brito R., Dias P.* Technologies and children up to 8 years old: What changes in one year? // Observatorio. 2019. Vol. 13. № 2. P. 68–86. DOI:10.15847/obsOBS13220191366
13. Digital childhoods / ed. by *S.J. Danby, M. Flear, C. Davidson, M. Hatzigianni* // International Perspectives on Early Childhood Education and Development. Vol. 22. Springer Singapore, 2018. 287 p. DOI:10.1007/978-981-10-6484-5
14. Digital literacies for learning / ed. by *Martin A., Madigan D.* London: Facet Publishing, 2006. 304 p.
15. *Gilster P.* Digital literacy. N.Y.: Wiley Computer Pub., 1997. 292 p.
16. *Griffiths M.* The role of context in online gaming excess and addiction: some case study evidence // Intern. J. of Mental Health and Addiction. 2010. Vol. 8. P. 119–125.
17. *Ilomäki L., Kantosalo A., Lakkala M.* What is digital competence? Brussels: EUN Partnership AISBL, 2011. P. 1–12.
18. *Johnson G., Puplampu K.* A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // Canadian Journal of Learning and Technology. 2008. Vol. 34. P. 19–28.
19. *Kostyrka-Allchorne K., Cooper N.R., Simpson A.* The relationship between television exposure and children's cognition and behaviour: a systematic review // Developmental Review. 2017. Vol. 44. P. 19–58. DOI:10.1016/j.dr.2016.12.002
20. *Kuzma J.M.* Children and geotagged images: quantitative analysis for security risk assessment // International Journal of Electronic Security and Digital Forensics. 2012. Vol. 4. № 1. P. 54–64.
21. *Livingstone S., Mascheroni G., Stoilova M.* The outcomes of gaining digital skills for young people's lives and wellbeing: A systematic evidence review // New Media & Society. 0(0). 2021. P. 1–27. Advance online publication. DOI:10.1177/14614448211043189
22. *Livingstone S., Mascheroni G., Staksrud E.* European research on children's internet use: Assessing the past and anticipating the future // New Media & Society. 2018. Vol. 20. № 3. P. 1103–1122. DOI:10.1177/1461444816685930
23. *Livingstone S., Haddon L., Gorzig A., Olafsson K.* Risks and safety on the Internet: the perspective of European children: full findings and policy implications from the EU Kids Online survey of 9–16 year olds and their parents in 25 countries. London: EU Kids Online Network, 2011. 169 p.

24. Mascheroni G., Ólafsson K. The mobile Internet: Access, use, opportunities and divides among European children // *New Media & Society*. 2016. Vol. 18. № 8. P. 1657–1679. DOI:10.1177/1461444814567986
25. Pew Research Center. Parenting children in the age of screens [Электронный ресурс] // Pew Research Center. 2020. July 28. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/07/28/childrens-engagement-with-digital-devices-screen-time/> (дата обращения: 12.02.2022).
26. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online, 2020. 156 p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo

References

1. Belinskaya E.P. Informatsionnaya sotsializatsiya podrostkov: opyt pol'zovaniya sotsial'nymi setyami i psikhologicheskoe blagopoluchie [Informational socialization of adolescents: experience of using social media and psychological well-being]. *Psikhologicheskies issledovaniya: elektronnyy nauchnyy zhurnal = Psychological studies. Digital scientific journal*, 2013. Vol. 6, no. 30, p. 5. (In Russ.).
2. Veraksa A.N., Almazova O.V., Bukhalenkova D.A., Chichinina E.A. Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovyykh ustroystv sovremennymi doshkol'nikiami [Digital devices use by pre-school children today]. *Sotsiologicheskies issledovaniya = Sociological research*, 2020, no. 6, pp. 82–92. DOI:10.31857/S013216250009455-3 (In Russ.).
3. Vojskunskiy A.E. Psihologiya i internet [Psychology and The Internet]. Moscow: Akropol', 2010. 439 p. (In Russ.).
4. Karabanova O.A. Riski informatsionnoi sotsializatsii kak proyavlenie krizisa sovremennogo detstva [The risks of information socialization as a manifestation crisis of modern childhood]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2020, no. 3, pp. 4–22. (In Russ.).
5. Knorre-Dmitrieva K. «Ty chto, dumaesh', ya man'yak?» – treniruyte svoih detej, poka ne pozдно. Pravila bezopasnosti ot «Lizy Alert», napisannye krov'yu i slezami [“Do you think I am a maniac?” – Train your kids before it's too late. Safety rules from “Lisa Alert”, written with blood and tears] [Elektronnyy resurs]. 2018. URL: <https://www.pravmir.ru/tyi-chto-dumaesh-ya-manyak-treniruyte-svoih-detey-poka-ne-pozдно/> (Accessed 07.02.2022). (In Russ.).
6. Marcinkovskaya T.D. Informacionnoe prostranstvo kak faktor socializatsii sovremennykh podrostkov [Informational space as a factor of socialization of modern adolescents]. *Mir psihologii. = World of psychology*, 2010, no. 3, pp. 90–102. (In Russ.).
7. Mediapotreblenie «cifrovoy molodezhi» v Rossii: monografiya [Media consumption of “digital youth” in Russia: monograph]. In Dunas D.V. (ed.). Moscow: F-t zhurnalistiki MGU: Publ. Moskovskogo Universiteta, 2021. 404, [2] p. (In Russ.).
8. Polivanova K.N. Detstvo v menyayushchemsya mire [Childhood in a changing world]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016. Vol. 5, no. 2, pp. 5–10. DOI:10.17759/jmfp.2016050201 (In Russ.).
9. Soldatova G.U., Voiskounsky A.E. Sotsial'no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshей shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. (In Russ.).
10. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Cifrovoye pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p. (In Russ.).
11. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Itogi tsifrovoi transformatsii: ot onlain-real'nosti k smeshannoi real'nosti [Digital Transition Outcomes: From Online Reality to Mixed reality]. *Kul'turno-*

- istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 87–97. DOI:10.17759/chp.2020160409 (In Russ.).
12. Brito R., Dias P. Technologies and children up to 8 years old: What changes in one year? *Observatorio*, 2019. Vol. 13, no. 2, pp. 68–86. DOI:10.15847/obsOBS13220191366
  13. Digital childhoods. In S.J. Danby, M. Flear, C. Davidson, M. Hatzigianni (eds.). *Perspectives on Early Childhood Education and Development*. Vol. 22. Springer Singapore, 2018. 287 p. DOI:10.1007/978-981-10-6484-5
  14. Digital literacies for learning. In Martin A., Madigan D. (eds.). London: Facet Publishing, 2006. 304 p.
  15. Gilster P. *Digital literacy*. New York: Wiley Computer Pub., 1997. 292 p.
  16. Griffiths M. The role of context in online gaming excess and addiction: some case study evidence. *Intern. J. of Mental Health and Addiction*, 2010. Vol. 8, pp. 119–125.
  17. Ilomäki L., Kantosalo A., Lakkala M. What is digital competence? Brussels: EUN Partnership AISBL, 2011, pp. 1–16.
  18. Johnson G., Puplampu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem. *Canadian Journal of Learning and Technology*, 2008. Vol. 34, pp. 19–28.
  19. Kostyrka-Allchorne K., Cooper N.R., Simpson A. The relationship between television exposure and children's cognition and behaviour: a systematic review. *Developmental Review*, 2017. Vol. 44, pp. 19–58. DOI:10.1016/j.dr.2016.12.002
  20. Kuzma J.M. Children and geotagged images: quantitative analysis for security risk assessment. *International Journal of Electronic Security and Digital Forensics*, 2012. Vol. 4, no. 1, pp. 54–64.
  21. Livingstone S., Mascheroni G., Stoilova M. The outcomes of gaining digital skills for young people's lives and wellbeing: A systematic evidence review. *New Media & Society*, 2021, pp. 1–27. Advance online publication. DOI:10.1177/14614448211043189
  22. Livingstone S., Mascheroni G., Staksrud E. European research on children's internet use: Assessing the past and anticipating the future. *New Media & Society*, 2018. Vol. 20, no. 3, pp. 1103–1122. DOI:10.1177/1461444816685930
  23. Livingstone S., Haddon L., Gorzig A., Ólafsson K. Risks and safety on the Internet: the perspective of European children: full findings and policy implications from the EU Kids Online survey of 9–16 year olds and their parents in 25 countries. London: EU Kids Online Network, 2011. 169 p.
  24. Mascheroni G., Ólafsson K. The mobile Internet: Access, use, opportunities and divides among European children. *New Media & Society*, 2016. Vol. 18, no. 8, pp. 1657–1679. DOI:10.1177/1461444814567986
  25. Pew Research Center. Parenting children in the age of screens [Elektronnyi resurs]. *Pew Research Center*, 2020. July 28. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/07/28/childrens-engagement-with-digital-devices-screen-time/> (Accessed 12.02.2022).
  26. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. EU Kids Online, 2020. 156 p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj010fo

Информация об авторах

Солдатова Галина Уртанбековна, академик РАО, доктор психологических наук, профессор факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»); заведующий кафедрой социальной психологии Московского института психоанализа, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Рассказова Елена Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Information about the authors

Galina U. Soldatova, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Professor, Faculty of Psychology, Department of Personality Psychology, Lomonosov Moscow State University; Foundation for Internet Development Director, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6690-7882>, e-mail: soldatova.galina@gmail.com

Elena I. Rasskazova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of neuro- and patopsychology, Faculty of psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9648-5238>, e-mail: e.i.rasskazova@gmail.com

Получена 17.08.2022

Received 17.08.2022

Принята в печать 12.08.2023

Accepted 12.08.2023